

Самосознание

«Что я ищущу, к чему стремлюсь?..»

К созданию идеального, космического образа-символа, соединяющего своим золотым звоном земное и небесное.

Я раздвоен: одновременно иду как по небесному своду, так и по земле. Это, наверное, знак того, что в этом рисунке мира земное и небесное чудесно переплетено в неразрывной и вечной любви.

Мое пространство скульптуры – это пространство любви.»

Павел Шевченко

БРОНЗОВАЯ ДУША

Бронзовая статуэтка крылатой Психеи, пожалуй, уже переросла главного приза Национального психологического конкурса в своеобразный символ российской психологии.

И вот накануне очередной торжественной процедуры награждения финалистов мы – в мастерской создателя этого образа, известного петербургского скульптора Павла Шевченко.

Кто он, Павел Шевченко?

Анкетные данные

Павел Онуфриевич Шевченко – выпускник СПб Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Мастерская проф. М. К. Аникушина.

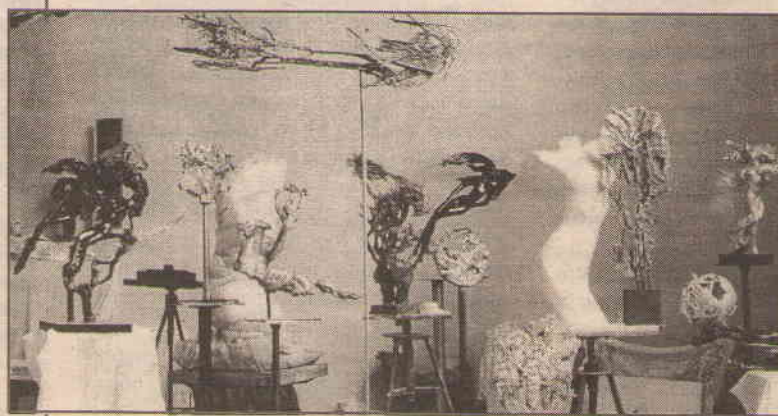
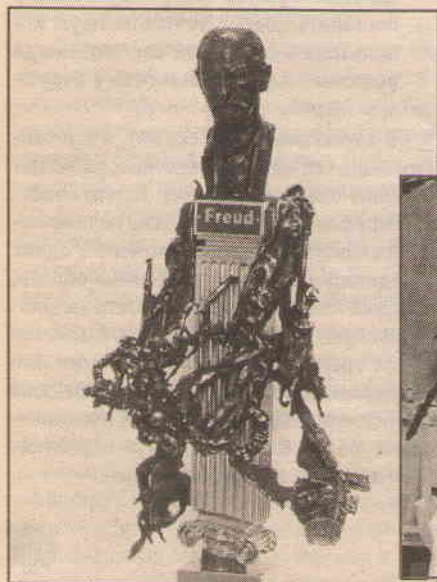
С 1979 года – преподаватель кафедры скульптуры Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Участник Санкт-Петербургских, всесоюзных и международных выставок. Член Союза художников России.

Установил памятник Боевой и Трудовой славы ГПО «Завод им. М. И. Калинина» (Санкт-Петербург). Выиграл Всесоюзные конкурсы и установил памятники героическому экипажу атомной подводной лодки «Комсомолец» (Мурманск) и Альфреду Нобелю (Санкт-Петербург).

Для Международного Психоаналитического форума выполнил Почетный приз «Большой Русский Фрейд».

Для Национального психологического

конкурса «Профессиональные итоги столетия» и Ежегодного национального психологического конкурса «Золотая Психея» выполнил главный приз «Золотая Психея».

Взгляд со стороны

Он считает, что глобальный кризис нас еще только ждет, потому что уровень отбора и подготовки специалистов с высшим образованием существенно снизился по сравнению с тем, что было во времена СССР. Но из этой страны уезжать не собирается.

Он считает, что творить по заказу можно, аргументируя тем, что все шедевры мирового искусства были созданы на заказ.

Задумывая композицию, он представляет себе ее процентов на шестьдесят, остальное вырисовывается в процессе работы.

Он может одновременно работать над бесчисленным количеством скульптур, так же как всегда читает по 3-4 книги параллельно.

Пожалуй, в России он единственный автор, творящий психологическую скульптуру в прямом смысле этих слов.

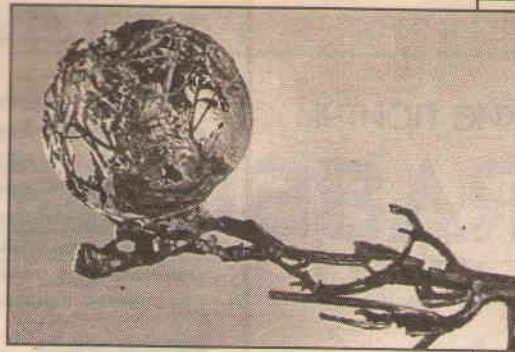
Вот что пишет о нем профессор, доктор искусствоведения Михаил Герман.

«Павел Шевченко сохраняет преданность древнему ремеслу скульптора. В нем нет ни нарочитой традиционности, ни постмодернистских игр «пластическими цитатами», как нет, естественно, и подражательности. Приверженность «святому ремеслу» – исключительно в любви и вкусе к исконной пластической фактуре, объему, внутреннему напряжению формы, в умении заставить пульсировать и жить бронзовую плоть скульптуры.

Павел Шевченко в камне почти не работает.

Его стихия – бронза, которую он полагает материалом экстравертивным – открытым пространству: «Она подвижна, изменчива, восприимчива к любой материи». Она наиболее адекватна моему ощущению пространства, которое также течет, изменяется».

...Непреклонная энергия и точность линии, границы меж рукотворным объемом и пустотой – это традиционное достоинство дополняется во многих произведениях скульптора иным и неожиданным качеством. Продуманный и четкий силуэт, эта «оторванность» бронзы от воздуха Шевченко странно и великолепно сочетает с редкостным и таинственным даже эффектом. Его композиции обретают вдруг на своей периферии некую продуманную и гармоничную зыбкость, некое «мерцание

формы», тяжелая и звонкая бронза словно бы растворяется в воздухе, грань между металлом и пространственной средой стирается, потом возникает вновь, тревожно и торжественно твердь и пустота вступают в диалог, свидетелем которого становится взволнованный зритель...

У Павла Шевченко нет робости.

Он обращается к темам грозным, таящим множество опасностей и самой сутью своею (каково взять на себя памятник Кронштадтскому мятежу или погибшей подводной лодке!), и просто количеством головоломных профессиональных задач, которые ставит перед скульптором создание подобного сооружения. Здесь его поразительная способность монументализировать красноречивую подробность, создать жесткий и мощный объем, не просто устремленный к небу, но отчасти в нем и растворяющийся, живой и динамический – все это позволяет достигать результатов совершенно ошеломляющих.

Скульптура XX века в массе своей не только трагична, но сурова, жестока, отстранена от зрителя, что еще усиливается достаточно отвлеченной формой, которая кажется порой неискушенному зрителю лишь системой надменных и непонятных (хотя и завораживающих чем-то) объемных иероглифов. Что и говорить: в искусстве второй половины XX века самые серьезные, грозные мотивы реализуются в значительной мере по правилам игры, и катарсис, если и возникает, то как вспышка интеллектуальной активности, как ощущение разгадки, пересечений напряженных, но рациональных ассоциативных рядов автора и зрителя.

Шевченко же сохраняет и даже интенсифицирует эстетизм пластики, ничуть не делая уступки банальности или красоты...

Самые трагические мемориальные вещи Шевченко обладают бесценной рафинированной культурой поверхности. Мерцание и полихромия материалов, неожиданная кружевная легкость металла, воздух, струящийся по поверхности бронзы и словно бы затуманивающий кое-где (по продуманной автором схеме) непреклонный силуэт памятника – все это делает монументы Шевченко привлекательными для глаз и наивного неопита, и искусственного знатока. И это, несомненно, – великое достоинство, качество, отличающее большое искусство».

